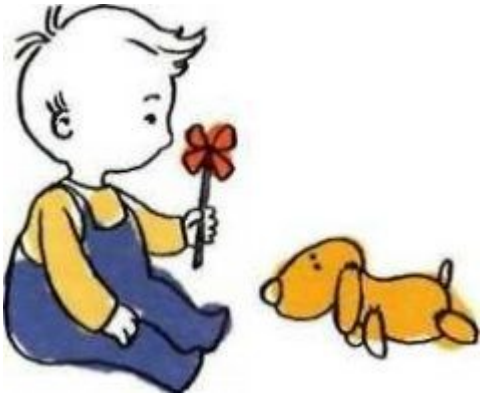
Анна Гавальда

35 КИЛО НАДЕЖДЫ

Моему дедушке и Мари Тонделье

Я ненавижу школу.
Ненавижу ее пуще всего на свете.
Нет, даже еще сильней…
Она испортила мне всю жизнь.



До трех лет, точно могу сказать, я жил счастливо. Я плохо это помню, но так мне кажется. Я играл, по десять раз подряд смотрел мультик про медвежонка, рисовал картинки и придумывал миллион приключений для Гродуду – это был мой любимый плюшевый щенок. Мама рассказывала, что я часами сидел один в своей комнате и не скучал, болтал без умолку, вроде как сам с собой. Вот я и думаю: наверно, счастливо мне жилось.

Тогда, в детстве, я всех любил и думал, что меня тоже все любят. А потом, когда мне исполнилось три года и пять месяцев, вдруг – бац! – в школу.

В первое утро я вроде даже был рад. Родители наверняка все лето мне талдычили: «Вот здорово, милый, ты пойдешь в настоящую школу…» «Смотри, какой красивый ранец тебе купили! Ты пойдешь с ним в школу!» Ну и все такое… Они говорят, я даже не плакал. (Я вообще любопытный, наверно, хотел посмотреть, какие там у них игрушки и есть ли «Лего»…) В общем, к обеду я вернулся довольный, все съел и побежал в свою комнату, рассказать Гродуду, как интересно было в школе.

Если бы я тогда знал, то как следует посмаковал бы те последние счастливые минуты, потому что сразу после этого моя жизнь пошла наперекосяк.

– Пошли. – сказала мама.

– Куда?

– Как куда… В школу!

– Нет.

– Что – нет?

– Я больше туда не пойду.

– Вот как? Почему же?

– Хватит уже, видел я эту школу, ничего там интересного. У меня тут полно дел, дома. Я обещал Гродуду сделать ему такую машинку, чтобы искать косточки, а то он их много зарыл у меня под кроватью, а найти не может, так что некогда мне в школу

ходить.

Мама присела передо мной на корточки. Я замотал головой.

Она стала меня уговаривать. Я заплакал. Она подняла меня на руки, я завизжал. И тогда она влепила мне затрещину.

Первую в моей жизни.

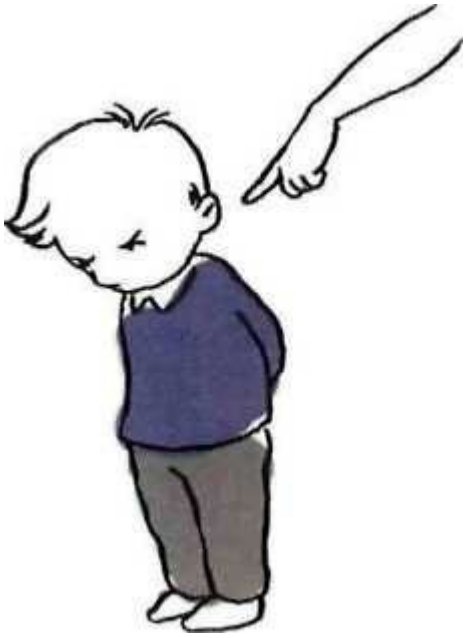
Вот так.

Вот тебе и школа.

Так начался кошмар.

Я миллион раз слышал, как родители рассказывали эту историю. Своим друзьям, воспитательницам, учителям, психологам, логопедам и консультанту по профориентации. И до сих пор каждый раз, когда ее слышу, я вспоминаю, что этот самый детектор косточек для Гродуду я так и не сконструировал.

А сейчас мне тринадцать лет, и я учусь в шестом классе. Да, сам знаю, что-то тут не так. Не надо загибать пальцы, сам объясню. Два раза я оставался на второй год: в начальной школе во втором и вот теперь – в шестом.



Из-за этой школы в доме вечно скандалы, сами понимаете… Мама плачет, а отец орет на меня, или, наоборот, мама орет, а отец молчит. А мне плохо, когда они такие, но что я могу поделать? Что им сказать? Ничего. Я ничего не могу им сказать, потому что, если открою рот, будет еще хуже. А они долдонят мне одно и то же, как попугаи:

«Работай!» «Работай!» «Работай!» «Работай!» «Работай!»

Да понимаю я, понимаю. Не совсем я все-таки тупой. Я бы и рад работать, да вот беда – не получается. Все, чему учат в школе, для меня китайская грамота. В одно ухо влетает, в другое вылетает. Водили меня к миллиону докторов, проверяли глаза, уши, даже мозги. Времени потратили уйму, а заключили, что у меня, видите ли, проблема с концентрацией внимания. Обалдеть! Я-то сам знаю, что со мной, меня бы спросили. Все со мной в порядке. Никаких проблем. Просто мне неинтересно. Не-ин-те-рес-но. И все.

Хорошо в школе было только один год – в старшей детсадовской группе. Там у меня была воспитательница Мари. Вот ее я никогда не забуду.

Я теперь думаю, Мари пошла работать в школу, чтобы заниматься тем, что ей нравилось по жизни: рукодельничать да мастерить всякую всячину. Я ее сразу полюбил. С самого первого дня. Платья она сама себе шила, свитера сама вязала, украшения сама придумывала. Не было дня, чтобы мы не приносили что-нибудь домой: ежика из папье-маше, котенка с бутылочкой молока, мышку в ореховой скорлупке, вертушки, рисунки, аппликации… Вот это была воспитательница – мы у нее не только перед Праздником мам работали в охотку. Она говорила: не зря прожит тот день, когда ты что-то сделал своими руками. Теперь я думаю, что от этого счастливого года и пошли потом все мои несчастья, потому что именно тогда я понял

одну простую вещь: больше всего на свете мне интересны мои руки и то, что они способны смастерить.

Еще скажу про Мари: отлично знаю, чем я ей обязан. Сносной успеваемостью в подготовительном классе – вот чем. Она-то поняла, с кем имеет дело. Знала, что я готов разреветься, если меня просят написать свое имя, что я ничегошеньки не запоминаю и для меня даже считалочку прочесть наизусть – тихий ужас. В последний день перед каникулами я пришел с ней попрощаться. В горле стоял ком, и говорить было трудно. Я протянул ей свой подарок – это была суперская карандашница, с выдвижными ящичками для скрепок и для кнопок, гнездышком для ластика и еще всякими наворотами. Сколько я ее клеил и раскрашивал – с ума сойти. Мари была довольна, я видел, и, по-моему, волновалась так же сильно, как я. Она сказала мне:

– У меня тоже есть для тебя подарок, Грегуар…

Это оказалась толстая книга.

– На будущий год, – добавила Мари, – ты пойдешь в подготовительный класс, к мадам Даре, и должен будешь очень-очень стараться… Знаешь зачем?

Я покачал головой.

– Чтобы прочесть все, что здесь написано.

Дома я попросил маму прочесть мне название. Она положила толстую книгу на колени и сказала:

– «1000 дел для умелых рук». О-ля-ля, это сколько же всего предстоит!

Мадам Даре я ненавидел. Ненавидел ее голос, ее кривлянья, то, что она вечно обзаводилась любимчиками. Но я все-таки научился читать, потому что очень хотел сделать бегемота из коробки от яиц со страницы 124.

В моей педагогической характеристике Мари написала: «У этого мальчика голова как решето, золотые руки и большущее сердце. Если постараться, из него выйдет толк».

В первый и последний раз за всю мою жизнь работник народного образования сказал обо мне доброе слово.

В любом случае я знаю массу людей, которым это все тоже не нравится. Вот вы, например, если я спрошу: «Школу любите?» – что ответите? Покачаете головой: нет, понятное дело. Разве что подхалимы из подхалимов скажут «да» или уж такие «ботаники», которым и впрямь нравится каждый день ходить проверять свои способности. Но я не о них… Кто все это любит по-настоящему? Да никто. А кто это по-настоящему ненавидит? Тоже мало кто. Мало, но есть. Такие, как я: их называют «лодырями» и «оболтусами», а у них все время болит живот.

Я просыпаюсь за час до будильника, а то и больше, и целый час лежу и чувствую эту боль в животе, как она набухает, набухает… К тому времени когда надо вставать с кровати, меня уже тошнит так, что кажется, будто я на палубе корабля в открытом море. Завтрак – мучение. Я вообще не могу ничего есть, но мама вечно стоит над душой, и хочешь не хочешь приходится запихивать в себя тосты. В автобусе боль сжимается в тугой-тугой комок. Если я встречаю по дороге ребят из класса, можно поговорить, к примеру, о «Зельде», тогда немножко отпускает, но когда еду один, комок душит меня. А самый ужас – это войти на школьный двор. Запах школы – вот что хуже всего. Запах мела и старых кроссовок, от которого трудно дышать и тошнота подкатывает к горлу.

К четырем комок начинает рассасываться, и я совсем его не чувствую, когда дома открываю дверь своей комнаты. Потом скручивает опять – это когда приходят с работы родители и начинают допытываться, как прошел день, и рыться в моем портфеле, чтобы проверить дневник, но уже не так сильно, потому что к их скандалам

я привык.

Нет, вру, конечно. Ничего я не привык. В доме вечные скандалы, и мне никак не удается их избегать. Тяжело. Родители мои друг друга выносят с трудом, так что им обязательно что ни вечер надо как следует поругаться, только они не знают, к чему придраться, вот и пользуются мной – я с моими дерьмовыми отметками служу им удобным поводом. «Это ты виноват, это ты виновата!» Мама кричит, что отец никогда мной не занимался, времени на сына у него нет, а он ей отвечает, чтобы не валила с больной головы на здоровую, она сама меня, видите ли, избаловала.

Достало, как же это меня достало…

Меня это так достало, что вы даже представить себе не можете.

Я, когда они орут, мысленно затыкаю себе уши и стараюсь думать только о том, что в данный момент мастерю, например: космический корабль для звездных войн из «Лего-систем», или аппарат для выдавливания зубной пасты, или гигантскую пирамиду из деревянного конструктора «Каппас», да мало ли что. А потом начинается пытка уроками. Если мне помогает мама, всегда кончается тем, что она плачет. Если отец – плачу я.

Вот я вам все это рассказываю, а вы еще подумаете, что мои родители сволочи или третируют меня. Да нет же, нет, они у меня классные, просто классные… В общем, родители как родители. Все только из-за школы. Я, между прочим, из-за этого весь прошлый год записывал в дневник только половину заданий – чтобы меньше

было скандалов и слез по вечерам. Честное слово, только поэтому, но у меня язык не повернулся сказать это директрисе, когда я заливался слезами в ее кабинете. Глупо ужасно.

Вообще-то я правильно сделал, что не сказал. Что она может понять, индюшка надутая? Все равно через месяц она меня отчислила.

Отчислила из-за физкультуры.

Этого вы еще не знаете: спорт я ненавижу почти так же, как школу. Не совсем уж до такой степени, но почти. Если бы вы меня только видели, вы бы поняли почему. Татами и я, как говорится, – это вещи несовместимые. Я не вышел ни ростом, ни мускулатурой, ни силой. Скажу вам больше: я натуральный хлюпик.

Бывает, я стою – руки в боки, грудь вперед – перед зеркалом и смотрю на свое отражение. Вид тот еще, выпитый червяк на занятиях по бодибилдингу, или еще тот, помните, что хотел вступить в легион в «Астериксе-легионере»? Вроде бы такой крепыш, а когда снимает плащ из звериных шкур, видно, что дохляк. Когда я смотрюсь в зеркало, всегда его вспоминаю.

Ну ладно, нельзя же все на свете брать в голову, на что-то можно и наплевать, иначе и свихнуться недолго. Так вот, наплевал я в прошлом году на физкультуру. Даже когда я пишу это слово, рот у меня сам собой растягивается в улыбку до ушей… Потому что на уроках физкультуры у мадам Берлюрон я посмеялся так, как не смеялся никогда в жизни.

Вот как это началось.

– Дюбоск Грегуар, – сказала она, уставившись в журнал.

– Я.

Я знал, что опять завалю на фиг упражнение и буду посмешищем. Стоял и думал, когда же все это кончится.

В общем, только я шагнул вперед, все уже захихикали.

Но смеялись-то на этот раз не над моей неуклюжестью – просто я в тот день уж очень нелепо выглядел. Я забыл дома физкультурные шмотки, все бы ничего, но это был уже третий раз за четверть, вот я и попросил Бенжамена одолжить форму у брата, чтобы опять не оставили после уроков. (Я за один год после уроков столько насиделся, на сколько вас за всю жизнь не оставляли!) Я только не знал, что у Бенжамена брат – клон Зеленого Великана, росту в нем метр девяносто…

Ну вот, представьте себе меня в форме XXL и кроссовках сорок пятого размера. Надо ли говорить, что успех я имел…

– Это что такое? Что за вид? – рявкнула Берлюронша.

Я прикинулся дурачком, это я умею, и сказал:

– Э-э, сам не понимаю, мадам, на прошлой неделе все было впору… Не понимаю…

Она вроде начала злиться:

– А ну-ка, двойной кувырок вперед, ноги вместе.

Я кувыркнулся один раз через пень-колоду и потерял кроссовку. Услышал, как все ржут, и решил: что мне стоит, развеселю их еще сильнее. Кувыркнулся снова и исхитрился запустить вторую в потолок.

Когда я поднялся, у меня были видны трусы, потому что треники сползли. Мадам Берлюрон была красная, как свекла, а ребята от хохота держались за животики. И у меня от этого их смеха что-то отпустило внутри, потому что смеялись-то не зло, классно смеялись, как в цирке, и после этого урока я решил, что так всегда и буду на физре клоуном. Берлюроншиным шутом. Когда люди покатываются со смеху благодаря вам, это же здорово, и потом, это как наркотик чем больше смеются, тем больше хочется их смешить.

Мадам Берлюрон наказывала меня так часто, что места в дневнике не хватало. В конце концов меня и отчислили из-за этого, но я не жалею. Мне хоть немножко лучше стало в школе, хоть что-то я сумел.

Что я вытворял – не описать. Раньше меня никто в команду брать не хотел, игрок-то я никакой, а теперь из-за меня готовы были передраться, потому что я своими номерами запросто мог дестабилизировать противника. Помню, однажды меня поставили на ворота… Вот смеху-то было… Когда мяч летел на меня, я визжал и лез на сетку, как перепуганная макака, а когда надо было ввести мяч в игру, исхитрялся бросить его через себя, прямым попаданием в свои ворота.

Один раз я даже кинулся вперед, хотел мяч поймать. Я его, понятное дело, даже не коснулся, зато поднялся с пучком травы во рту, как корова, и замычал: «Мууууу!» В тот день Карина Лельевр описалась от смеха, а меня оставили на два часа после уроков… Но дело того стоило.

А отчислили меня из-за коня. Самое интересное, что в кои-то веки я не валял дурака. Надо было прыгнуть через эту кожаную махину с ручками, и, когда пришла моя очередь, я чуть-чуть недопрыгнул и жутко больно ушиб себе… ну… в общем, вы понимаете, о чем я говорю… Пипиську расплющил, короче. Ясное дело, ребята подумали, что я притворяюсь и ору «У-у-у-у-у-ииииииииий!». чтобы их посмешить, а Берлюронша поволокла меня прямиком к директрисе.

Я от боли пополам согнулся, но не плакал.

Не хотел доставлять им такого удовольствия.

Родители тоже мне не поверили, а когда узнали, что меня кроме шуток выгнали, то моя взяла. Раз в жизни они орали не друг на друга, а хором на меня и уж отвели душу.

Когда они наконец отпустили меня в мою комнату, я закрыл дверь и сел на пол. А потом сказал себе: «Одно из двух. Можешь лечь на кровать и реветь. Есть повод: жизнь у тебя дерьмовая, и сам ты полное дерьмо, и. если сейчас умрешь, всем будет только лучше. А можешь встать и что-нибудь смастерить». В тот вечер я сделал чудо-юдо из всякой дребедени, которую подобрал на стройке, и назвал его «Чучело-Берлючело».

Не сказать чтобы очень умно, сам знаю. Но мне полегчало, хоть подушку не промочил.

Только один человек меня тогда утешал – мой дедушка. Оно и неудивительно, потому что дедушка, дед Леон, всегда меня утешал: с тех пор как я научился ходить, он стал пускать меня в свой закуток.

Закуток деда Леона – это вся моя жизнь. Мое убежище и моя пещера Али-бабы. Когда бабушка начинает нас слегка доставать, он наклоняется ко мне и шепчет на ухо:

– Что, Грегуар, не прогуляться ли нам с тобой в Леонленд?

И мы потихоньку смываемся под бабушкино ворчание:

– Давай, давай! Задуривай голову малышу…

А дед пожимает плечами:

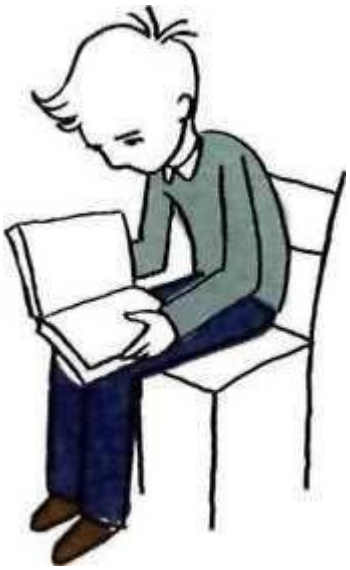
– Да ладно тебе, Шарлотта. Мы с Грегуаром уединяемся, нам надо спокойно подумать.

– О чем это вы будете думать, интересно?

– Я – о своей жизни, которая позади, а Грегуар – о своей, которая впереди.

Бабушка отворачивается и бормочет, что лучше бы ей оглохнуть, чем слышать такое. На что дед всегда отвечает:

– Душа моя, ты и так уже оглохла.



Мой дед Леон – такой же мастер на все руки, как и я, только у него к тому же еще и голова варит. В школе он был отличником, первым в классе по всем предметам и,

между прочим, признался мне однажды, что никогда не сидел за учебниками по воскресеньям («Почему?» – «Да просто не хотел, и все»). Он был первым по математике, по французскому, по латыни, по английскому, по истории – по всем предметам, честное слово! В семнадцать лет он поступил в Высшую политехническую школу, а это, между прочим, самый сложный вуз во Франции. А потом он строил всякие колоссальные штуки: мосты, транспортные развязки, туннели, плотины. Когда я спрашиваю, что именно он делал, дед зажигает погасший окурок и принимается размышлять вслух:

– Трудно сказать. Я никогда толком не знал, как называлась моя должность…

В общем так: мне показывали чертежи, чтобы я сказал свое мнение – рухнет эта штуковина или нет.

– И все?

– И все, и все… Это не так уж мало, парень! К примеру, скажешь «нет», а плотина возьмет да и рухнет – то-то сядешь в лужу, уж поверь мне!

Дедов закуток – это место, где мне лучше всего на свете. Хотя, казалось бы, что там такого особенного – сараюшка из досок и листового железа в углу сада, зимой в ней холодно, летом жарко. Я стараюсь забегать туда как можно чаще. Что-нибудь смастерить, позаимствовать инструмент или деревяшку, посмотреть, как работает дед Леон (он сейчас делает на заказ мебель для ресторана), посоветоваться с ним пли просто посидеть. Мне здесь нравится, мое это место, вот и все. Помните, я говорил. что от запаха школы меня тошнит? Так вот, здесь – наоборот: входя в эту захламленную – не повернуться – сараюшку, я раздуваю ноздри, чтобы поглубже вдохнуть запах счастья. Запах горячей смазки, электронагревателя, пайки, клея, табака и еще многого всякого. Обалденно. Я давно решил, что когда-нибудь выделю этот запах в чистом виде, создам духи и назову их «Закуток».

Чтобы нюхать, когда становится тошно от этой жизни.

Когда я в первый раз остался на второй год, мой дед Леон, узнав об этом, посадил меня на колени и рассказал сказку про зайца и черепаху. Я очень хорошо помню, как сидел, прижавшись к нему, и какой ласковый у него был голос.

– Вот видишь, малыш, никто и гроша ломаного не поставил бы на эту несчастную черепаху, уж больно медленно она ползла… И все-таки она пришла первой… А знаешь почему? Потому что черепашка была молодец, упорная и трудолюбивая. Ты

ведь тоже такой, Грегуар… Я-то знаю, я видел тебя за работой. Видел, как ты часами сидишь не шелохнешься, когда шлифуешь деревяшку или макеты свои раскрашиваешь… Ты такой же молодец, как эта черепаха.

– Но в школе нам не задают ничего шлифовать! – прорыдал я в ответ. – Нам задают только такие штуки, которые у меня не получаются!

Когда дед узнал про шестой класс, это был совсем другой разговор.

Я пришел к ним, как обычно, а он почему-то не ответил на мое «здравствуй». Поели мы молча, после кофе он как будто и не собирался никуда выходить.

– Дед?

– Что?

– Пойдем в закуток?

– Нет.

– Почему?

– Потому что я узнал от твоей мамы скверную новость.

– …

– Я тебя не понимаю! Ты ненавидишь школу и делаешь все. чтобы задержаться в ней как можно дольше…

Я молчал.

– Ведь не такой же ты все-таки тупой, каким тебя считают! Или такой?

Голос у него был сердитый.

– Да.

– Ох, терпеть этого не могу! Конечно, легко себе сказать, что ты ни на что не годен, чтобы ничего не делать! Еще бы! Таким уж я уродился! Куда как просто! А дальше что? Какие твои планы? Останешься на второй год в седьмом, восьмом, девятом, и если повезет, то аттестат получишь к тридцати годам!

Я теребил уголок диванной подушки, не решаясь поднять глаз.

– Нет, правда, не понимаю я тебя. В общем так, на деда Леона можешь больше не рассчитывать. Я люблю самостоятельных людей, которые умеют добиваться своих целей, понятно? Терпеть не могу лодырей, которые только и знают, что жаловаться, и вдобавок вылетают из школы за плохое поведение! С ума сойти! Лоботряс и второгодник! Отличная картина! Поздравляю! Подумать только, а я-то всегда тебя защищал… Всегда! Родителям твоим говорил, что в тебя верю, оправдывал тебя, да еще и потакал! Вот что я тебе скажу, дружок: несчастным быть куда легче, чем быть счастливым, а я не люблю, слышишь, не люблю людей, которые ищут легких путей.

Не выношу нытиков! Будь счастливым, черт побери! Делай что-нибудь, чтобы быть счастливым!

Он так кричал, что закашлялся. Прибежала бабушка, а я тихонько выскользнул в сад.

Пошел я, конечно, в закуток. Мне было очень холодно. Я сел на ржавую канистру и стал думать, как же мне хоть чего-то в жизни добиться.

Я бы все сделал, да только как строить, если нет ни чертежей, ни материалов, ни инструментов, ничего. Только тяжесть на сердце, от которой даже заплакать не получается. Своим перочинным ножом я нацарапал несколько слов на дедовом верстаке и ушел в дом, не попрощавшись.

Дома был скандал, дольше, громче и тошнее обычного. Кончался июнь, и ни в один коллеж с сентября меня принимать не хотели. Родители рвали волосы на себе и друг на друге. Сил не было это выносить. А я только сжимался с каждым днем, чтобы меня поменьше замечали. Я говорил себе, что если так уменьшаться, уменьшаться, то можно в конце концов совсем исчезнуть, и тогда все проблемы отпадут сами собой. Исключили меня 11 июня. Поначалу я целыми днями торчал дома. С утра смотрел Пятый канал или «Телемагазин» (там такие штуки бывают, в «Телемагазине», с ума сойти!), после обеда перечитывал старые комиксы или собирал потихоньку головоломку из 5000 деталей, подарок тети Фанни.

Но долго я так не выдержал. Захотелось хоть чем-нибудь занять руки… Я стал осматривать дом на предмет того, чтобы что-нибудь улучшить. Мама часто жаловалась при мне на горы глажки и говорила, что ее мечта – гладить сидя. Вот я и взялся решить эту задачу. Разобрал ножки гладильной доски – там был упор, и сделать ее ниже не получалось, – высчитал нужную высоту и установил доску на четыре деревянные ножки, как обычный стол. Потом отвинтил колесики от старого сервировочного столика – я нашел его напротив дома неделю назад – и приладил их к

стулу, на котором давно никто не сидел. Еще и подставку для утюга переделал, потому что мама недавно купила новый, другой модели, здоровенный «Мулинекс» с пароувлажнителем, и я сомневался, что старая подставка его выдержит. На это у меня ушло полных два дня. Потом я принялся за мотор газонокосилки. Разобрал его полностью, хорошенько почистил и снова собрал по винтику. Косилка завелась с пол-оборота. Отец меня не слушал, а я-то знал, что не надо везти ее в ремонт, все просто из-за грязи.

В тот вечер в доме дышалось чуть полегче. Мама приготовила на ужин гренки с ветчиной, сыром и яйцом, мои любимые, вроде как в награду, а отец не стал включать телевизор.

Он и заговорил первым:

– Самое обидное, сынок, что ты все-таки способный парень… Ну и что прикажешь с тобой делать, как тебе помочь? Учиться ты не любишь, что да, то да. Но до шестнадцати лет от школы никуда не денешься, это ты знаешь?

Я кивнул.

– Получается порочный круг: чем меньше ты занимаешься, тем больше ненавидишь школу, а чем больше ты ее ненавидишь, тем меньше занимаешься… Как думаешь из него выбираться?

– Подожду до шестнадцати и пойду работать.

– Размечтался! Кто тебя возьмет?

– Никто, знаю, я буду изобретать всякие штуки и сам их делать. Много денег мне не надо, проживу как-нибудь.

– Вот это ты зря! Конечно, не обязательно быть богаче дядюшки Пиксу из комиксов, но денег тебе понадобится больше, чем ты думаешь. Придется же покупать инструменты, мастерскую, грузовик… да мало ли что еще! Ну ладно, оставим эту тему, сейчас не деньги меня волнуют. Поговорим лучше о твоей учебе… Нет, Грегуар, не кривись, посмотри на меня, пожалуйста. Ничего у тебя не получится без минимума знаний. Представь себе, изобрел ты что-то сногсшибательное. Так ведь надо же подать патент, верно? И написать его, между прочим, на грамотном французском языке… И потом, думаешь, сделал, принес – и готово дело? Нужны схемы, чертежи, расчеты, иначе с тобой никто и разговаривать не будет, а твое изобретение кто-нибудь украдет в два счета…

– Ты думаешь?

– Я не думаю, я знаю.

От всего этого мне стало не по себе: в глубине души я понимал, что отец прав.

– Я потому спросил, что у меня уже есть одно изобретение, оно могло бы обеспечить меня на всю жизнь, и моих детей тоже, и даже вас…

– Что же ты изобрел? – улыбнулась мама.

– А вы тайну хранить умеете?

– Да, – ответили родители хором.

– Поклянитесь.

– Клянусь.

– Я тоже.

– Нет, мам, скажи «клянусь».

– Клянусь.

– Ну вот… Это такие ботинки, специальные, чтобы ходить по горам… Со съемным каблуком. Ты его прикрепляешь, как обычно, для подъема, на ровном месте снимаешь, а чтобы спуститься, опять прикрепляешь, только спереди, где пальцы, тогда будешь все время сохранять равновесие…

Родители покивали.

– В этом что-то есть, – сказала мама.

– Если предложить это спортивным магазинам. «Декатлону», например…

Мне было приятно, что они заинтересовались, что принимают меня всерьез. Но отец все испортил, добавив:

– Только, чтобы заработать на твоем зуде, придется тебе подналечь на математику, информатику и экономику… Вот видишь, мы опять вернулись к тому же…

Искал я себе занятие до конца июня. Новым соседям помог расчистить сад. Я выполол там столько сорняков, что пальцы у меня распухли и позеленели. Как у Халка.

Соседей звали месье и мадам Мартино. У них был сын Шарль, всего на год старше меня, но я с ним не подружился. Он не отлипал от своих компьютерных игр и каких-то дурацких комиксов, а если заговаривал со мной, то обязательно спрашивал одно и то же: в какой класс я пойду на будущий год. Меня это начало слегка доставать.

Мама по-прежнему висела на телефоне в поисках учебного заведения, которое оказало бы нам великую милость и согласилось бы принять меня в сентябре. Каждое утро мы выгребали из почтового ящика тонны рекламных проспектов. Яркие фотографии на глянцевой бумаге расхваливали достоинства того или иного коллежа.

Это было красиво – и лживо насквозь. Я листал их, качая головой, и думал: интересно, как это ухитрились заснять улыбающихся учеников? То ли им заплатили, то ли сообщили, что их учитель французского свалился в пропасть. Только одна школа мне понравилась, но находилась она в каком-то Петаушноке-лез-Уа под Балансом. Ученики на фотографиях не сидели за партами и не лыбились в камеру. На одном снимке ребята пересаживали растения в оранжерее, на другом распиливали дощечки за верстаком и даже не думали улыбаться – они были заняты делом. Выглядело здорово, но это был технический лицей. В животе опять заныло.

Месье Мартино сделал мне предложение: помочь ему ободрать в доме старые обои, за плату. Я согласился. Мы вместе поехали в прокатную фирму «Килуту» и взяли два паровых насоса. Его жена с Шарлем укатили отдыхать, мои родители были на работе. Никто нам не мешал.

Мы поработали на славу, но как же умотались! Главное, дни стояли самые жаркие. Вкалывать в клубах пара, когда на улице 30 градусов в тени, – это, скажу я вам… Настоящая сауна! Я выпил пива, первый раз в жизни, оказалось – гадость страшная.

Дед Леон зашел навестить меня и вызвался нам помочь. Месье Мартино был в восторге. «Мы рабочая сила, а вот вы, месье Дюбоск, вы – мастер…» Понятное дело, дед-то занялся деликатными вопросами водопровода и электричества, пока мы обливались потом и ругались на чем свет стоит.

Месье Мартино часто говорил так: « дерьмус-дерьма-дерьмум-дерьморум-дерьмис-дерьмис» (это что-то из латыни).

Кончилось тем, что родители определили меня в коллеж Жан-Мулен, в двух шагах от дома. Сперва-то они не хотели, чтобы я там учился, потому что репутация у него нехорошая. Уровень никакой, и вдобавок у учеников отнимают деньги и вещи, но только там и согласились меня принять, так что выбора все равно не было. Они подали туда мои документы, а мне пришлось сходить сняться в «Фотоматон». Вид у меня был на этих фотках – жуть. То-то обрадуются в коллеже Жан-Мулен: придет в шестой класс тринадцатилетний детина с руками Халка и рожей Франкенштейна… Хорошенькое приобретение, нечего сказать!

Июль пролетел на всех парах. Я научился клеить обои. Научился резать рулоны на куски (заодно слово «рулон» выучил!) и мазать клеем. Научился ровно их раскатывать, подгонять края и проглаживать валиком, чтобы не было пузырей. В общем, много чему научился. Смело могу сказать, что теперь я ас в том, что касается клея «Перфакс» и обоев в полосочку. Еще я помогал деду распутывать электрические провода и проверять, есть ли ток.

– Горит?

– Нет.

– А так?

– Нет.

– Черт. А так?

– Есть.

Я делал сэндвичи шестьдесят сантиметров длиной, красил двери, менял пробки и слушал по радио «Умников» до посинения. Целый месяц. Счастливый месяц.

Вот бы так и дальше жить, в сентябре я начал бы ремонт в другом доме, у другого хозяина… Я думал об этом, кусая сэндвич с колбасой: еще три года продержаться – и привет честной компании.

Три года – это долго.

И еще одна вещь не давала мне покоя – здоровье дедушки. Он все чаще кашлял, все дольше не мог отдышаться и то и дело присаживался. Бабушка взяла с меня обещание не позволять ему курить, но я не мог с ним сладить. У него был один ответ:

– Не лишай меня этого удовольствия, Тотоша. Потом-то ведь помру.

Мне от этих слов выть хотелось.

– Нет, Тотоша, из-за этого удовольствия ты как раз и помрешь!

Дед посмеивался:

– С каких это пор ты себе позволяешь называть меня Тотошей, а, Тотош?

Когда он так мне улыбался, я понимал, что это человек, которого я люблю больше всех на свете, и что он не имеет права умирать. Никогда.

В последний день месье Мартино пригласил нас с дедом в классный ресторан, и после кофе они выкурили по большущей сигаре. Видела бы это бабушка, я даже подумать боялся, как бы она огорчилась…

Когда мы прощались, сосед протянул мне конверт:

– Держи. Ты их заработал…

Я не стал открывать конверт сразу. Открыл его дома, у себя в комнате, на кровати. Там было двести евро. Четыре оранжевые бумажки… Я обалдел: никогда в жизни я даже не видел столько денег сразу. Мне не хотелось ничего говорить родителям, а то бы они меня достали, чтобы положил деньги на сберегательный счет. Я спрятал их в такое место, где никому не пришло бы в голову искать, и стал думать, думать, думать…

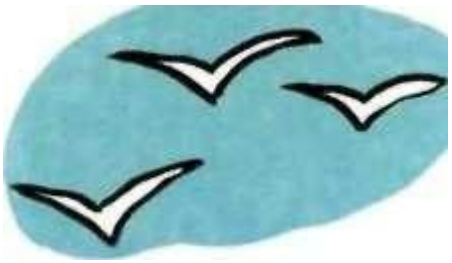
Что же все-таки мне на них купить? Двигатели для моих макетов? (Стоит это… не скажу, сколько.) Комиксы? Конструктор «Сто необычайных сооружений»? Крутую кожаную куртку? Бошевскую электроножовку?

От этих четырех бумажек у меня голова шла кругом, и, когда 31 июля мы уезжали на каникулы и закрывали дом, я часа полтора не мог успокоиться, все искал тайник понадежнее.

В точности как мама – она тоже металась по комнатам с бабушкиными серебряными подсвечниками в руках. Наверно, на нас обоих смешно было смотреть. А воры, наверно, все равно хитрее нас…

Про тот август ничего особенного я вам не расскажу. Для меня он был длинным и скучным. Родители, как делали каждый год, сняли квартиру в Бретани, а я, как и каждый год, должен был делать задания на лето. Много-много страниц в толстой тетради.

Пропуск в шестой класс. Скоро в школу.



Я часами сидел, грыз ручку и смотрел на чаек. Я мечтал, как превращусь в чайку. Мечтал, как полечу к бело-красному маяку, во-он туда. Мечтал, как подружусь с ласточкой и в сентябре, например, четвертого – вроде бы случайно в день начала занятий! – мы вместе улетим в теплые края. Я мечтал, как мы будем лететь над океаном, как мы…

Тут я тряс головой, чтобы вернуться к действительности.

Я перечитывал задачу из учебника математики, какую-то муть про мешки с известкой, и опять мечтал: что если чайка сядет на условия задачи… Шлеп! И вонючая белая клякса расплывается по странице.

А сколько всего я мог бы сделать с семью мешками известки…

В общем, я мечтал.

Родители за моими занятиями не очень-то следили. У них ведь тоже были каникулы, и им не хотелось портить себе кровь, разбирая мои каракули. Все, что от меня требовалось, – каждое утро садиться за письменный стол и сидеть, приклеившись задом к стулу, до обеда.

Толку от этого был ноль. Я заполнял страницы проклятой тетради рисунками и чертежами один другого бредовее. Мне не было скучно, просто все равно. Быть здесь или где-то еще, думал я, какая разница? И еще я думал: быть или не быть, здесь или нигде, какая разница? (Как видите, в математике я дуб дубом, зато с философией дела обстоят получше!)

После обеда я ходил на пляж с мамой или с отцом, но никогда с обоими вместе. Это тоже входило в их каникулы: отдыхать друг от друга. Вообще, что-то не то происходило между моими родителями. То и дело какие-то намеки, замечания, подковырки, после которых в доме воцарялось гробовое молчание. Наша семейка каждое утро вставала не с той ноги. А я мечтал, чтобы за завтраком было весело, как в рекламе: «Йо-о-огур-ты «Э-э-эрман!» Но, как говорится, мечтать не вредно.

Когда пришло время паковать чемоданы и прибирать дом, мне почудился вздох облегчения. Идиотизм. Потратить кучу деньжищ, ехать в такую даль, чтобы всю дорогу рваться домой… Скажете, не идиотизм?

Мама извлекла из тайника свои подсвечники, а я – свои деньги. (Теперь могу сказать: я скатал их в трубочку и засунул в ствол автомата моего старого «экшн-мена»!) Бумажки пожелтели, и в животе у меня опять заныло.

В общем, пошел я в коллеж Жан-Мулен.

Я оказался не самым старшим в классе и даже не самым тупым. Особо я не напрягался. Сидел в уголке, помалкивал и избегал попадаться здоровенным лбам-заправилам. Про кожаную куртку пришлось забыть: вряд ли я долго проносил бы ее здесь… Меня больше не воротило так от школы – по той простой причине, что я вроде и не в школу ходил. Мне казалось, я хожу на площадку молодняка, где с утра до вечера резвятся две тысячи зверенышей. Я погружался в спячку. Приходил в ужас от того, как некоторые одноклассники разговаривали с учителями. Старался поменьше высовываться. Считал дни.

В середине октября мамино терпение лопнуло. Она не могла больше выносить отсутствия в моем классе учителя французского (или учительницы, я так и не узнал!). Не могла больше выносить моего словарного запаса, говорила, что я глупею день ото дня. Что мне впору сено жевать. Она не понимала, почему мне никогда не ставят отметок, и впадала в истерику, когда приходила за мной в пять вечера и видела, как мои ровесники курят травку под аркадами торговой галереи.

Короче, в доме опять скандал. Скандалище. Слезы, вопли и сопли рекой.

И как итог – пансион.

Проругавшись целый вечер, мои родители по обоюдному согласию решили отправить меня в пансион. Супер.

Всю ночь я стискивал зубы.

Назавтра была среда. Я пошел к бабушке и деду. Бабушка пожарила молодую картошку, как я люблю, а дед Леон все хотел мне что-то сказать и не решался. Обстановочка была как на похоронах. После кофе мы пошли к нему в закуток. Дед сунул в рот сигарету, но не зажег.

– Я бросаю, – сказал он. – Не ради своего здоровья, сам понимаешь, токмо ради моей зануды жены…

Я улыбнулся.

Потом дед попросил меня помочь ему привинтить петли к дверцам; и вот тогда-то, когда у меня наконец были заняты руки и голова, он заговорил со мной, мягко так, ласково:

– Грегуар?

– Да.

– Тебя, я слышал, в пансион отправляют?

– …

– Тебе не хочется?

– …

Я молчал. Не хотел распускать нюни, как в тот раз, не маленький уже.

Он забрал из моих рук створку, которую я держал, отложил ее в сторонку и взял меня за подбородок, чтобы я посмотрел на него.

– Послушай меня, Тотоша, послушай хорошенько. Я ведь знаю больше, чем ты думаешь. Я знаю, как ты ненавидишь школу, и, что творится у тебя дома, тоже знаю. То есть не то чтобы знаю, но догадываюсь. Я имею в виду твоих родителей… Представляю, каково тебе приходится…

Я кусал губы.

– Грегуар, поверь, я хочу тебе добра, это ведь была моя идея с пансионом, это я заронил ее в голову твоей мамы… Не смотри на меня так. Для тебя же будет лучше на время уехать, развеяться, увидеть что-то новое. А то родители тебе совсем дышать не дают. Ты их единственный сын, все, что у них в жизни есть, свет в окошке. Они сами не понимают, как сильно тебе вредят тем, что слишком многого от тебя ждут. Нет, не понимают. И думаю, все еще сложнее… Им бы сначала собственные проблемы решить, прежде чем на тебя набрасываться. Я… Ох, нет, Грегуар, вот этого не надо! Не надо, малыш, я не хотел тебя огорчать, я только хотел, чтобы ты… Да что же это такое, черт возьми! Я даже не могу посадить тебя на колени, такого большого! Постой, убери-ка руки, давай я сам сяду к тебе на колени… Ну не надо, не плачь. А то я сам заплачу…

– Я не плачу, дедушка, это просто вода выливается…

– Ах ты, мой малыш, мой большой малыш… Ну все, все. Успокойся, давай успокоимся. Надо закончить этот шкафчик для Жозефа, мы же хотим отведать деликатесов… На, держи отвертку.

Я высморкался в рукав.

А потом, после долгого молчания, когда я уже привинчивал вторую дверцу, дед добавил:

– И вот еще что, последнее, больше я с тобой об этом говорить не буду. Это очень важно, что я хочу тебе сказать,… Я хочу тебе сказать, что цапаются-то твои родители не из-за тебя, нет. Дело в них самих и только в них. Ты не виноват, ты тут ни при чем, слышишь? Совершенно ни при чем. Скажу тебе больше: даже будь ты круглым отличником и первым учеником в классе, они все равно бы цапались. Им только пришлось бы найти другой повод, вот и все.

Я ничего не ответил. Взял кисточку и нанес первый слой лака на Жозефов шкафчик.

Когда я пришел домой, родители сидели, обложившись проспектами, и что-то подсчитывали на машинке. Если бы в жизни было как в комиксах, я увидел бы над их головами клубы черного дыма. Я выдавил из себя «Здрасьте» и хотел прошмыгнуть в свою комнату, но меня остановили:

– Грегуар, поди сюда.

По голосу я понял, что отец не расположен шутить.

– Сядь.

Я сел, думая, под каким соусом меня на этот раз будут есть…

– Как ты знаешь, мы с мамой решили отправить тебя в пансион.

Я опустил глаза. В голове мелькнуло: «В кои-то веки вы хоть в чем-то согласны! Наконец-то. Жаль только, что в этом, могли бы придумать что-нибудь получше…»

– Я понимаю, тебя эта идея не вдохновляет, но вопрос не обсуждается. Мы зашли в тупик. Ты бьешь баклуши, тебя исключили из школы, тебя никуда не принимают, а муниципальный коллеж – не вариант. Выбирать не приходится… Но ты вряд ли знаешь, как дорого это стоит. Ты должен понимать, что нам придется напрячься ради тебя, очень сильно напрячься…

Я усмехнулся про себя: «О что вы… не стоит! Вот спасибо-то! Спасибо, Ваша щедрость. Вы так добры. Позвольте, Ваша щедрость, припасть к вашим ногам!»

А отец продолжал:

– Ты не хочешь узнать, где будешь учиться?

– …

– Тебе все равно?

– Нет.

– Так вот, представь себе, мы сами пока не знаем. Задачка, скажу я тебе, впору голову сломать. Мама полдня просидела на телефоне – и все без толку. Нужно найти такую школу, куда тебя согласились бы принять посреди учебного года, и…

– Я вот здесь хочу учиться, – перебил я отца.

– Где это «вот здесь»?

Я пододвинул ему буклетик, тот, где на фотке ученики работали за верстаком. Мама надела очки:

– Где это? Тридцать километров к северу от Баланса… Технический лицей Граншан… Но нам-то нужен коллеж…

– Коллеж при нем тоже есть.

– Откуда ты знаешь? – удивился отец.

– Я туда звонил.

– Ты?!

– Ну да, я.

– Когда?

– Еще перед каникулами.

– Ты?! Ты туда звонил? Зачем?

– Так просто… хотел узнать.

– И что?

– Ничего.

– Почему же ты нам не сказал?

– Потому что все равно ничего не получится.

– Почему это не получится?

– Потому что они принимают по успеваемости, а какая у меня успеваемость? Моим табелем только что печку топить…

Родители молчали. Папа изучал программу лицея Граншан, а мама вздыхала.

На следующий день я пошел в школу, как обычно, и через день тоже, и через два.

Теперь я понимал, что значит «перегореть». Именно это со мной произошло. Я перегорел. Что-то во мне погасло, и все стало безразлично.

Я ничего не делал. Ни о чем не думал. Ничего не хотел. Ни-че-го. Я сгреб все свои «Лего» в картонную коробку и отдал их Габриэлю, двоюродному братишке. Дома я только и делал, что смотрел телевизор. Километры и километры клипов. Я часами лежал на кровати. Ничего не мастерил. Мои руки висели плетьми по обе стороны от тощего туловища. Иногда мне казалось, что они мертвые. Переключать каналы да открывать бутылки – разве что на это они еще годились.

Я сам себе опротивел, я превращался в идиота. Мама права: еще немного, и я начну жевать за обедом сено.

Даже к деду с бабушкой мне не хотелось. Они хорошие, но ничего не понимают.

Старые слишком. II потом, где деду просечь мои проблемы? Он-то всегда был отличником. Проблемы – он даже не знает, что это такое. О родителях я вообще молчу. Они даже не разговаривали друг с другом. Зомби да и только.

Меня так и подмывало встряхнуть их хорошенько, авось вытрясу… Что? Не знаю.

Слово, улыбку, жест? Что-нибудь.

Я валялся, уставясь в телевизор, как вдруг зазвонил телефон.

– Что это ты, Тотоша, забыл меня?

– Э-э… Я, наверно, не приду сегодня, что-то не хочется…

– Как так? А Жозеф? Ты обещал, что поможешь мне отвезти ему шкафчик!

Упс! Совсем из головы вылетело.

– Я сейчас, уже иду. Извини!

– Нет проблем, Тотоша, нет проблем. Шкафчик никуда не убежит.

Жозеф в благодарность угостил нас по-королевски. Я съел бифштекс по-татарски величиной с Везувий и к нему целую гору всякой вкуснятины: там были каперсы, лук, травки, красный перец… Умм… Дед Леон поглядывал на меня и улыбался:

– Одно удовольствие на тебя смотреть, Тотоша. Скажи спасибо своему старому деду, что он время от времени тебя эксплуатирует: хоть наешься до отвала.

– А ты? Почему ты ничего не ешь?

– Я-то?… Да я, знаешь, не успел проголодаться… Твоя бабушка меня обкормила за завтраком…

Я знал, что он врет.

А потом нам показали кухню. Я обалдел, увидев, какие там кастрюли и сковородки – огромные! И здоровенные половники, и деревянные ложки, больше похожие на катапульты, и десятки ножей, разложенных по ранжиру, остро-преостро наточенных.

Жозеф подозвал нас:

– Познакомьтесь-ка! Это Тити! Наш новенький… Славный мальчуган. Уж я его вышколю, а потом, через годик-другой, эти мишленовские олухи набегут сюда как мухи на мед, это я вам говорю! Ты что не здороваешься, Тити?

– Здрасьте.

Он чистил картошку – наверно, миллион килограммов. Вид у него был довольный.

Ног не видно под горой очисток. Я смотрел на него и думал: «Шестнадцать лет… Ему-то наверняка уже исполнилось…»

Высаживая меня у дома, дед Леон еще раз повторил:

– Ну так сделаешь, как договорились?

– Угу.

– Наплюй на ошибки, на стиль, на свой безобразный почерк – на все наплюй. Просто что на душе, то и напиши, ладно?

– Угу…

Я сел за письмо в тот же вечер. Хоть он и говорил «наплюй», я все-таки порвал одиннадцать черновиков. А письмо-то получилось совсем короткое…

Вот оно, я переписал его для вас.

«Уважаемый директор школы Граншан!

Я очень хотел бы учиться в Вашей школе, но знаю, что это невозможно, потому что у меня очень плохая успеваемость.

Я видел в рекламе Вашей школы, что у Вас есть слесарные и столярные мастерские, кабинет информатики, теплицы и все такое.

Я думаю, что отметки – не самое главное в жизни. По-моему, важнее знать, чего ты в жизни хочешь.

Мне хочется учиться у Вас, потому что в Граншане мне будет лучше всего, – так я думаю. Я не очень упитанный, во мне 35 кило надежды.

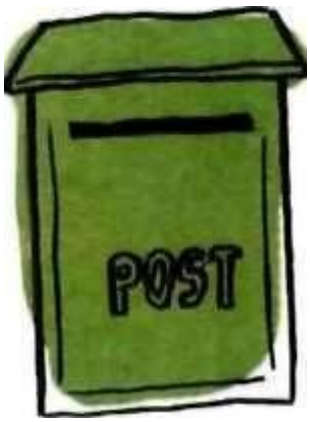
Всего хорошего, Грегуар Дюбоск.

P. S. № 1: Я первый раз в жизни прошусь в школу, сам не пойму, что это со мной, наверно, заболел.

P. S. № 2: Посылаю Вам чертежи машинки для чистки бананов, которую я сам сделал, когда мне было семь лет».

Я перечитал письмо, вышло глуповато, но у меня не хватило духу переписывать в тринадцатый раз.

Я представил себе, с каким лицом директор будет его читать… «Откуда только взялся такой дурачок?» – наверно, подумает он, скомкает листок и запустит бумажный шарик в мусорную корзину. Мне и отсылать-то письмо уже не очень хотелось, но я обещал деду, в общем, отступать было некуда.



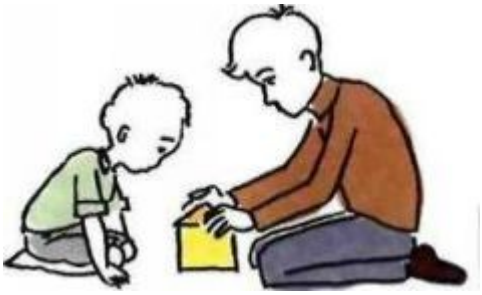
Я опустил его в ящик, возвращаясь из школы, а потом, когда сел обедать, перечитал буклетик и тут обнаружил, что директор был на самом деле директрисой! Вот осел-то! Это я так подумал про себя, закусив изнутри щеку. Осел, болван, трижды

идиот!..

35 кило кретинства, это точно…

Потом наступили осенние каникулы. Я гостил в Орлеане у тети Фанни, маминой сестры. Играл на дядином компьютере, ложился не раньше двенадцати, а встать норовил как можно позже. Валялся до тех пор, пока двоюродный братишка не запрыгивал ко мне на кровать с кличем:

– Йего! Давай иг'ять в йего! Гьегуар, вставай, пойдем иг'ять в йего!



Четыре дня я строил ему из «Лего» то гараж, то деревню, то корабль. Когда я заканчивал, он улыбался до ушей, довольный-предовольный, а потом брал мою конструкцию и – бац! – со всей силы швырял ее на пол и смотрел, как она разлетается на тысячу кусочков. В первый раз я, честно говоря, разозлился, но когда услышал, как он смеется, сразу забыл о потраченных впустую двух часах. Братишкин смех я просто обожал. Он заряжал меня своим восторгом.

На Аустерлицком вокзале меня встречала мама. Когда мы сели в машину, она сказала:

– У меня для тебя две новости – хорошая и плохая. С какой начать?

– С хорошей.

– Вчера звонила директриса Граншана. Она готова принять тебя, только придется сдать что-то вроде экзамена…

– Пфф,… Ничего себе, хорошая новость… Экзамен! Как я, по-твоему, сдам экзамен? Ха-ха! А какая же плохая?

– Твой дедушка в больнице.

Я так и знал. Совершенно точно знал. Я это чувствовал.

– С ним что-то серьезное?

– Трудно сказать. У него был приступ, сейчас его обследуют. Он очень слаб.

– Я хочу его навестить.

– Нет. Пока нельзя. К нему сейчас никого не пускают. Ему надо восстановить силы…

Мама плакала.

Я взял с собой учебник, чтобы в поезде повторять грамматику, но так и не открыл его. Даже не пытался сделать вид, будто читаю. Поезд мчался вдоль бесконечных электрических проводов, километр за километром, и я отсчитывал столбы, повторяя шепотом: «Дедушка… дедушка… дедушка… дедушка… дедушка… дедушка… дедушка… дедушка… дедушка…», а между столбами думал: «Не умирай. Останься. Ты так нужен мне. И бабушке Шарлотте ты тоже нужен. Как же она без тебя? Ей будет очень плохо. А как же я? Не умирай.

Ты не имеешь права умереть. Я еще маленький. Я хочу, чтобы ты увидел, как я вырасту. Хочу, чтобы ты успел погордиться мной. Я ведь только-только начинаю жить. Ты мне нужен. И потом, если я когда-нибудь женюсь, я хочу, чтобы ты познакомился с моей женой, увидел моих детей.

Я хочу, чтобы мои дети ходили к тебе в закуток. Хочу, чтобы они полюбили твой запах.

Я хочу, чтобы…»

В Балансе меня встретил на перроне какой-то дядька. По дороге я узнал, что он в Граншане садовник, то есть, вернее… в общем, «управляющий» – это он сам так сказал…

Мне нравилось ехать в его грузовичке, в нем хорошо пахло бензином и сухими листьями.

Я пообедал в школьной столовой вместе со всеми. Сколько же здесь было здоровенных силачей! Меня приняли по-доброму, старожилы надавали уйму ценных советов: где лучше курить, чтобы не засекли, как подлизаться к буфетчице, чтобы давала добавку, как проводить в спальню девчонок после отбоя по пожарной лестнице, какие пунктики у учителей и еще много чего…

Они громко смеялись. Глупые. Но это была хорошая глупость. Мальчишки такими и должны быть.

Мне нравились их руки, все в мелких порезах, с чернотой под ногтями. Кто-то спросил меня, почему я здесь.

– Потому что меня больше никуда не принимают.

Они заржали.

– Так-таки никуда?

– Совсем никуда.

– Даже в школу для дураков?

– Да, – ответил я, – в школе для дураков сказали, что я плохо повлияю на остальных учеников.

Один парень хлопнул меня по спине:

– Наш человек!

Потом я сказал им, что завтра мне сдавать экзамен.

– Так чего же ты здесь торчишь? Марш на боковую, тебе утром надо быть в форме!

Спал я плохо. Мне снился странный сон. Как будто я гуляю с дедом Леоном по обалденно красивому парку, а он все дергает меня за рукав и говорит: «Где тут покурить, чтобы не засекли? Спроси у них где…»

За завтраком я не мог ничего есть. В животе – железобетон. Никогда в жизни мне не было так плохо. Я не мог вздохнуть и обливался холодным потом. Меня кидало то в жар, то в озноб.

Меня посадили в маленькой классной комнате и надолго оставили одного. Я уж подумал, что обо мне забыли.

Наконец пришла какая-то женщина и дала мне толстую тетрадь с вопросами.

Строчки так и плясали у меня перед глазами. Я ничегошеньки не понимал. Я положил локти на стол и уткнулся головой в ладони. Мне надо было перевести дух, успокоиться, отвлечься. Вдруг я чуть не уперся носом в надписи на столе. Одна была такая: «Я люблю большие сиськи». И еще: «А мне больше нравятся разводные ключи». Я улыбнулся – и принялся за работу.

Сначала дело пошло неплохо, но чем дальше я переворачивал страницы, тем меньше находил ответов. Я запаниковал. Хуже всего оказался абзац в несколько строчек, под которым стояло задание: «Найдите и исправьте все ошибки в этом тексте». Ужас – я не нашел ни одной. Я действительно последний тупица. Полно ошибок, а я их даже не вижу! В горле у меня понемногу набухал ком, в носу защипало. Я широко раскрыл глаза. Только не плакать. Я не хотел плакать.

Я НЕ ХОТЕЛ, понимаете?

И все-таки капнула большущая слеза, я не успел ее удержать, и она расплылась по тетрадной странице… Сволочь. Я изо всех сил стиснул зубы, но уже чувствовал, что не сдержусь. Что плотину сейчас прорвет.

Слишком давно я не позволял себе плакать и старался просто не думать кое о чем… Но все равно однажды наступит такой момент, когда она выплеснется наружу, вся эта пакость, которую вы норовите запрятать в мозгах подальше, глубоко-глубоко… Я знал, что если заплачу, то уже не смогу остановиться, потому что все вспомнится сразу: Гродуду, Мари, все эти годы в школе, когда я был вечно последним. Дежурным идиотом. И мои родители, которые разлюбили друг друга, и унылые дни дома, и дед Леон в больничной палате с трубками в носу, его жизнь, мало-помалу уходящая…

Я чувствовал, что вот-вот разревусь, до крови кусал губы и вдруг услышал голос. «Кто это тут разводит сырость, Тотоша? – сказал он мне. – Это еще что такое? А ну-ка подбери сопли, поросенок! Смотри, как ручку замочил».

Ну все, крыша поехала… Уже голоса слышу! Эй! Вы ошиблись адресом, я не Жанна д'Арк. Я просто бездарь и тупица, я тут плаваю…

– Ладно, рева-корова, скажи, когда закончишь, чтоб можно было вместе заняться делом.

Что такое? Я обшарил глазами весь класс: нет ли где микрофона или камеры? Да что же это такое? Я провалился в четвертое измерение что ли?

– Дед Леон, это ты?

– А ты думал кто, балда? Папа римский?

– Но… этого же не может быть.

– Чего?

– Ну… что ты здесь, что ты со мной разговариваешь…

– Не говори глупостей. Я всегда был с тобой, и ты сам это знаешь. Ну все, пошутили и будет. Давай, соберись. Возьми карандаш и подчеркни все спрягаемые глаголы… Нет, этот не надо, ты же видишь, он оканчивается на «ить». Так, это у нас сказуемые, теперь найди к ним подлежащие… Вот… Пометь стрелочками… Молодец. Подумай хорошенько, как они согласуются. Вот, смотри, что здесь подлежащее? Правильно, «ты», значит, на конце мягкий знак, молодец. Теперь подчеркни существительные… Найди определения к ним и проверь. Все проверяй. А прилагательные? Смотри, тебя не смущает «отбеленный скатерть»? «Отбеленная», верно, вот видишь, можешь, если постараешься. Теперь вернись немного назад, я видел безобразия в примерах… У меня даже волосы на ушах встали дыбом. Ну-ка, подели снова… Нет, еще раз… Еще! Ты кое-что забыл. Два в уме, верно, молодец. Теперь посмотри на четвертую страницу…

Я как будто спал наяву, чувствовал себя собранным и раскованным одновременно. Рука писала сама собой. Очень странное бьшо ощущение.

– Ну вот. Тотоша, дальше сам. Осталось изложение, а в этом ты куда сильнее меня, уж я-то знаю… Да-да. Не спорь. Давай сам, только следи за орфографией, ладно? Делай как в упражнении: стрелочки и проверка. Представь себе, что ты полиция слов. Спрашивай у каждого документы: «Стоп! Проверка! Назовитесь!» «Прилагательное». – «С кем склоняетесь, милейшее?» – «С "собаками"». – «Стало быть, в каком вы числе?» – «Во множественном». – «Хорошо, свободны». Понимаешь, что я хочу сказать?

– Да, – кивнул я.

– Не разговаривайте, молодой человек! – взвилась наблюдавшая за мной церберша. – Работайте молча. Чтобы я вас не слышала!

Я все внимательно перечитал. Пятьдесят семь раз, а может, и больше. И отдал ей тетрадь. Выйдя в коридор, я прошептал:

– Дед Леон, ты еще здесь?

Ответа не было.

В поезде на обратном пути я попробовал еще раз. Опять ничего – абонент недоступен.

Я увидел родителей на перроне и по их лицам понял: что-то случилось.

– Он умер? – закричал я. – Он умер, да?

– Нет, – сказала мама, – он в коме.

– Давно?

– С сегодняшнего утра.

– Он очнется?

Отец сморщился, а мама осела и ухватилась за мое плечо, чтобы не упасть.

Я так и не навестил деда в больнице. Его никто не навещал. К нему не пускали, потому что любой микроб мог его убить. Зато я навестил бабушку и был в шоке, когда ее увидел, такой она выглядела маленькой и щуплой. Как мышка, ее и не видно было в широком синем халате. Я стоял посреди кухни дурак дураком, а она вдруг сказала:

– Иди поработай немного, Грегуар. Запусти механизмы. Возьми в руки инструменты. Погладь доски. Поговори с ними со всеми, скажи им, что он скоро вернется.

Бабушка беззвучно плакала.

Я вошел. Сел. Положил руки на верстак и вот тогда наконец расплакался.

Я выплакал все слезы, которые копил в себе так долго. Сколько времени я просидел там? Час? Два часа? Может быть, три?

Когда я поднялся, было полегче, все слезы вышли, и горя как будто тоже больше не было. Я высморкался в старую, заляпанную клеем тряпку, валявшуюся на полу, и вот тут-то увидел свою надпись… «ПОМОГИ МНЕ», – было нацарапано на верстаке.

Меня приняли в Граншан. Мне от этого было ни жарко ни холодно. Правда, я рад был уехать, «развеяться», как сказал бы дед Леон. Я собрал вещи в рюкзак и даже не оглянулся, закрывая за собой дверь своей комнаты. Перед отъездом я попросил маму положить деньги месье Мартино на книжку. Мне больше не хотелось их тратить. Мне вообще ничего не хотелось, кроме невозможного. И я уже понял, что не все в этой жизни можно купить.

Отец сам отвез меня в новую школу – ему надо было по делам в те края. По дороге мы с ним почти не разговаривали. Мы оба знали, что наши пути расходятся.

– Вы позвоните мне, если будут новости, ладно?

Он кивнул, потом наклонился и неловко поцеловал меня.

– Грегуар?

– Да.

– Нет, ничего. Будь счастлив, уж постарайся, ты этого заслуживаешь. Знаешь, я никогда тебе не говорил, но думаю, ты хороший парень… Очень хороший.

И он крепко-крепко сжал мой локоть, перед тем как сесть в машину.

Я не стал первым учеником, до отличников мне было далеко: если честно, я, наверно, был последним в классе. Но учителя меня почему-то любили…

Например, однажды мадам Верну, учительница французского, раздала нам письменные работы. Я получил 6 из 20.

– Надеюсь, ваша машинка для чистки бананов удалась лучше, – сказала она и улыбнулась мне.

Думаю, все дело было в этом, ко мне хорошо относились из-за того моего письма. Все знали, что я абсолютно бездарен, но хотя бы стараюсь с этим бороться.

Зато по рисованию и труду я был вне конкуренции. Особенно по труду. Я умел

больше учителя, честное слово. Когда у кого-то на уроке что-то не получалось, то в первую очередь обращались ко мне. Сначала месье Жугле это не нравилось, а теперь он берет пример со своих учеников: то и дело спрашивает у меня совета. Умора.

Больше всего я ненавидел физкультуру. В спорте я с детского сада ноль, но здесь это особенно бросалось в глаза, потому что ребята все подобрались крепкие, ловкие и любили это дело. А у меня ничего не получалось: я ведь не умею ни бегать, ни прыгать, ни нырять, ни ловить мяч, а уж бросать-то и подавно… Ни-че-го. Полный ноль. Пустое место.

Ребята надо мной смеялись, но не зло.

– Эй, Дюбоск, – говорили мне, – когда ты соорудишь машинку для наращивания мускулов?

Или:

– Берегись! Прыгает Дюбоск, готовьте повязки!

Раз в неделю я говорил по телефону с мамой и первым делом спрашивал ее, есть ли новости. Однажды она сказала:

– Слушай, Грегуар, хватит. Ты же знаешь, если будут новости, я сразу тебе скажу.

Расскажи лучше, как ты живешь, что делаешь, какие у тебя учителя, какие друзья…

А мне нечего было ей сказать. Я что-то выдавливал из себя и поскорее закруглял разговор. Все, что не касалось дедушки, стало мне по фигу.

Мне жилось неплохо, но счастлив я не был. Я мучился оттого, что ничем не могу помочь деду Леону. Я бы горы свернул для него, я бы дал, если надо, разрезать себя на кусочки и поджарить на медленном огне. Я готов был нести его на руках через всю землю, прижимая к груди, я бы все что угодно стерпел, лишь бы спасти его, но что толку, если все равно сделать ничего было нельзя. Только ждать.

Это было невыносимо. Он-то пришел мне на помощь в самый трудный момент, когда мне это было позарез нужно, а я что? Никакого от меня проку.

Так я думал до того урока физкультуры. В меню на сей раз был канат с узлами. Жуть. С шести лет пытаюсь, но так ни разу и не исхитрился на него залезть. Никак. Канат с узлами – мой вечный позор.

Когда подошла моя очередь, Момо гаркнул: – Внимание, внимание, сейчас инспектор Гаджет продемонстрирует нам свои носки!

Я посмотрел на верхушку столба, к которому был привязан канат, и прошептал: «Дедушка, послушай! У меня получится. Я это сделаю для тебя. Для тебя, слышишь?»

На третьем узле я понял, что больше не могу, но только покрепче стиснул зубы и напряг свои дохлые руки, полные сырковой массы. Четвертый узел. Пятый. Все, сейчас выпущу. Мне это не под силу. Нет, нельзя, я ведь обещал! Я крякнул и посильнее уперся ногами. Нет, все, не могу. Руки уже разжимались. И тут я увидел ребят – весь класс стоял вокруг столба, далеко внизу. Кто-то крикнул:

– Держись, Дюбоск! Давай!

Пришлось еще поднатужиться. Пот заливал глаза, руки горели.

– Дю-боск! Дю-боск! Дю-боск! – надрывались ребята, поддерживая меня.

Седьмой узел. Больше не могу. Сейчас потеряю сознание.

А они там, внизу, скандировали титры из мультика:

– Кто идет, кто идет?… Инспектор Гаджет! Это он, это он!.. Инспектор Гаджет!

Они подбадривали меня, но этого было мало.

Осталось всего два узла. Я поплевал на руку, потом на другую. «Дедушка, вот он я, смотри! Я посылаю тебе мою силу. Я посылаю тебе мою волю. Возьми их. Возьми! Они тебе нужны. Ты в тот раз помог мне своим знанием, а я помогу тебе тем, что у меня есть: возьми мою молодость, мой задор, мое дыхание, мои мускулы, они маленькие, да удаленькие. Возьми их, дедушка! Возьми все… Пожалуйста!»

Ляжки у меня уже кровоточили, я не чувствовал ни рук, ни ног. Остался последний узел.

– Давай! Да-вай! Да-ваааай! – бесновались ребята. А громче всех кричал учитель. Я рявкнул сам на себя: «НЕ СПАТЬ!» – и ухватился за верхушку столба. Внизу

творилось что-то неописуемое. Я плакал. От радости и от боли, все вместе. Я соскользнул вниз как куль. Момо и Самюэль подхватили меня и стали качать.

– Это он, это он! Инспектор Гаджет! – пели все.

Я отрубился.

С этого дня меня как подменили. Я стал решительным. Злым на работу. Целеустремленным. Откуда только силы взялись?

По вечерам, вместо того чтобы смотреть со всеми телек, я уходил. Далеко, через поля, леса, деревни. Я шагал долго-долго. Дышал медленно и глубоко. И повторял про себя всегда одно и то же: «Возьми все это, дедушка. Дыши этим чистым воздухом. Дыши. Вдыхай этот запах земли и тумана. Я здесь. Я – твои легкие, твое дыхание, твое сердце. Я помогу тебе. Возьми». Это было как искусственное дыхание рот в рот, только на расстоянии.

Я сытно ел и много спал, я трогал кору деревьев и ходил гладить соседских лошадей. Запуская руку в теплую гриву, я шептал: «Возьми. Это тебе полезно».

Однажды вечером позвонила мама. Когда за мной пришел дежурный, сердце у меня так и упало.

– Новости неважные, сынок. Врачи прекращают лечение. Оно ничего не дает.

– Но он же умрет!

Я выкрикнул это в пустом коридоре.

– Тогда уж отключите его сами, быстрее будет!

И я бросил трубку.

После этого я на все плюнул. Стал опять играть в настольный футбол с ребятами, работал спустя рукава и почти перестал разговаривать. Жизнь мне опротивела. Для меня дедушка как будто уже умер. Когда звонили родители, я им просто не отвечал.

И вот вчера парень из старшего класса пришел за мной в спальню. Я дрых без задних ног. Он тряс меня так и эдак:

– Эй! Эй! Просыпайся! Подъем!

Я выговорил, еле ворочая языком:

– Шшшто… што шлушилось?

– Это ты, что ли, Тотоша?

– Почему ты спрашиваешь?

Я протер глаза.

– Потому что внизу какой-то дед в инвалидной коляске разоряется: вынь да положь ему Тотошу… Так это, часом, не ты?

Кое-как натянув штаны, я кубарем скатился с четвертого этажа. Бежал и плакал в три ручья, как маленький.

Он был там, у дверей столовой, и с ним парень в белом халате. Парень возился с трубками капельницы, а мой дед Леон сидел и улыбался мне.

Я так плакал, что даже улыбнуться в ответ не мог.

Он сказал:

– Ты застегнул бы ширинку, Тотоша, простудишься.

И тогда я улыбнулся.